

Елена И. Коряковцева
Москва-Седльце

НОСТАЛЬГИЯ ПО КОММУНИЗМУ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Ностальгия — это своеобразный тип моральной рефлексии, связанный прежде всего со стремлением к целостности, к воссозданию разрушенной гармонии человека и мира. Считается, что

[...] ностальгия играет позитивную роль в жизни человека и общества, поскольку она способствует утверждению идентичности «Я» человека, укрепляет связь с ранними этапами его жизни, с «корнями», формирует моральные идеалы, сохраняет моральные ценности прошлого и обеспечивает преемственность традиций, примиряет в общественном сознании прошлое с настоящим, стабилизирует отношения между оппонентами в споре («породнив» их между собой через общее прошлое), ломает коммуникативные барьеры между людьми и т.д.¹

Так, ностальгия по советским временам в определенной степени объединяет «культурных аутсайдеров», принадлежащих к «нижним» слоям общества, и бывшего президента, а ныне премьер-министра Владимира Путина, назвавшего развал СССР одной из крупнейших геополитических катастроф XX века. Ностальгию по СССР испытывают как низкооплачиваемые офицеры российской армии, так и бывшие чеченские боевики, с тоской вспоминающие о доперестроечных временах и клеймящие Михаила Горбачёва, «развалившего» Советский Союз². Социологи обычно расценивают ностальгию как показатель социально-экономической нестабильности, обосновывая это тем, что ностальгические настроения особенно распространены в переходных обществах, после крушения привычных идеалов³.

¹ Е.В. Новиков: *Лики ностальгии*. «Человек» 2006, № 3, с. 21.

² См.: И. Ротарь: *Пылающие обломки империи. Записки военного корреспондента* Москва: Новое литературное обозрение 2001.

³ А.А. Гусейнов: *Введение в этику*. Москва: МГУ 1997, с. 132.

Фактором, усиливающим ностальгию по СССР и коммунистическому (точнее — социалистическому) строю, является развал российской экономики, социальная деградация и криминализация всех сфер общественной жизни России. Явления социальной деградации и криминализации отчетливо отражаются в современном русском языке, причем наиболее ярко — в текстах средств массовой информации. Анализ языковой картины мира в российских СМИ неизбежно приводит к заключению, что криминализация общественного сознания, начавшаяся со времён «перестройки», когда было дозволено делать всё, что не запрещено Уголовным кодексом, — интенсивный, регулярный процесс, охвативший также правящую элиту⁴. Весьма показателен оборот «мочить в сортире», прозвучавший в комментариях президента РФ Путина о событиях 23 сентября 1999 года, когда российская авиация нанесла ракетно-бомбовые удары по северным пригородам города Грозного. Оказионально-авторский фразеологизм Путина «мочить в сортире» состоит из двух элементов ненормативной лексики: арготизма «мочить» ‘убивать кого-либо, расправляться с кем-либо’, заимствованного из языка преступного мира, и грубо-просторечного слова «сортир» ‘уборная, туалет’.

Считается, что всякое новое правление начинается с некоего знакового поступка, который потом реализуется на разных уровнях общественной жизни. Оборот «мочить в сортире» — это и есть тот дискурс, который был предложен российскому обществу в самом начале правления Путина, объяснившего в одном из интервью, что «у нас страна огромных возможностей не только для преступников, но и для государства»⁵.

Модель агрессивного языкового поведения, отраженная в «путинизме» «мочить в сортире», закрепилась в общественном сознании не без помощи журналистов, регулярно воспроизводящих этот арготический фразеологизм в заголовках газет, ср.: *Кто же на самом деле «мочит в сортире» великую Россию?* («Правда», 07.03.2002); *Путин не сможет никогда мочить в сортире* («Московский комсомолец», 29.11.2002); *Путин поменял концепцию с «мочить в сортире» на «уничтожить как крыс в пещере»* («Московский комсомолец», 07.02.2006), *Топалова*

⁴ Принимая во внимание обширность «медиального рынка» и свое положение «наблюдателя издалека», в данной статье мы были вынуждены сосредоточиться на наиболее популярных общероссийских изданиях, имеющих свои сайты в интернете, а именно на многотиражных газетах «Известия», «Правда», «Труд», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Российская газета». Выборка проводилась в основном из текстов проблемных статей, опубликованных с января 2002 г. по апрель 2011 г.

⁵ См.: *Путинки: краткий сборник изречений президента (Первый срок)*. Москва: Эхо Бук 2004.

снова мочат в сортире («Комсомольская правда», 20.04.2008); *Мочить в сортире стало бесполезно* («Труд», 28.01.2010).

Арготизм «мочить», как и его префиксальный дериват «замочить», отражающий новый стереотип агрессивных отношений в российском обществе, вышел за рамки криминального социолекта и как единица т.н. общего жаргона стал использоваться в прямом («убивать/убить») и переносном значении («нападать/напасть на кого-то с целью уничтожить морально или физически»). В статье под броским заголовком *Саакашвили бредит от голода* политическая борьба образно описывается журналистом как война криминальных кланов: «Во время предвыборной кампании в Грузии не гнушались никакими методами, чтобы „мочить“ конкурентов» («Российская газета», 12.11.2003). Борьба краевой администрации с преступностью комментируется политологом так: «Кто такой „криминал“? Что получается: один криминал мочит другой криминал?... Кого мочит Александр Иванович?» («Аргументы и факты», 07.02.2004).

Примечательно, что журналисты, активно заимствуя арготизмы из уголовного жаргона, образуют на их базе неологизмы (напр., «раскрутить» уголовн. «заставить кого-л. давать показания», перен. «разрекламировать» — «раскрутка», «раскрученный»), а затем включают их в тексты, не связанные с уголовной тематикой (это может быть материал о политике, экономике, спорте или искусстве), ср.: «Владимир Рыжков как публичный политик — достаточно раскрученный» («Аргументы и факты», 20.01.2004). При этом жаргонизмы все реже поясняются в тексте, все чаще употребляются без кавычек, а это означает, что многие из них уже входят в речевой обиход: показательна прямая зависимость между увеличением количества жаргонизмов в газете и ростом ее тиража. Привычными в языке СМИ стали выражения «поставить к стенке» («приговорить к высшей мере наказания»), «вышка» или «вышак» («высшая мера наказания — расстрел»), «мент», «мусор» (сотрудник органов внутренних дел), «стукач» («осведомитель»), «гоблин» «охранник» и т.д. Без емкого жаргонного слова «беспредел» не обходится практически ни одна газетная статья. Используются в газетных текстах прямые заимствования из воровского арго: «базар» «беспорядок», «лох» «наивный глупец, жертва преступника», «шмонать» «обыскивать», «опустить» (в уголовной среде означает «вступить в гомосексуальную связь», а также «изгнать кого-л. из воровской группировки»), «наезжать» («настойчиво требовать чего-либо, предъявить кому-либо претензии в грубой форме, сопровождая их угрозами неприятных для адресата последствий, вплоть до физического уничтожения»), «кинуть» «огрбить, обмануть, отобрать», «крыша» «прикрытие от рэкета, мафии», «бабки» «деньги» и др.

Частота употребления арготизмов в текстах СМИ подтверждает тот факт, что криминализм стал одним из главных аспектов массовой коммуникации в «путинскую эпоху». Криминализация языка современных российских СМИ, выражающаяся в активизации арготической лексики, отражает изменившиеся социально-политические условия, смену ценностных ориентиров, расширение сферы влияния уголовного мира, внедрение в общественное сознание его философии и моральных установок⁶. Если до перестройки появление блатных слов в газете вызывало шок у читателей (особенно у лингвистов и педагогов), то ныне подобная лексика воспринимается некоторыми авторитетными русистами как вполне обычная, общенародная и даже «антитоталитарная»⁷.

Вербальные манипуляции журналистов приводят к тому, что у россиян формируется устойчивое негативное представление об отечественной правоохранительной системе, исчезает вера в ее возможности, а в результате происходит криминализация и виктимизация населения, особенно молодежи и несовершеннолетних⁸. Нарастание этих процессов очевидно: даже после выборочного чтения газетных заголовков в сознании читателей формируется и год от года укрепляется весьма непривлекательная картина российской жизни, ср.: *Вся страна с бутылкой в руках — от мала до велика* («Московский комсомолец», 28.06.2004), *Оборотни возвращаются* («Московский комсомолец», 07.04.2004); *Касьянова «заказали»* («Аргументы и факты», 15.06.2004); *Куда катится Россия?* («Московский комсомолец», 31.05.2005); *Рабы расейского разлива* («Аргументы и факты», 2005, №6), *Иных уж нет, а тех долечим* («Московский комсомолец», 05.07.2005); *Все схвачено, все отфигачено* («Аргументы и факты», 19.04.2006); *На прожиточный минимум не прожить* («Аргументы и факты», 19.04.2006); *Прокурорский бордель* («Московский комсомолец», 04.03.2006); *Потребуется годы, чтобы принять законодательство, соответствующее передовым стандартам высокоразвитых стран* («Московский комсомолец», 24.06.2006); *Разгон «марша несогласных» разрушает остатки репутации власти* («Аргументы и факты», 18.04.2007); *Государство не успевают затыкать дыры: подорожают кредиты или товары* («Московский комсомолец», 02.02.2008); *Каждый десятый — без работы* («Новая

⁶ Ср.: А.Д. Васильев: *Триумфальный марш субстандартной лексики: иллюзия свободы*. В кн.: того же: *Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении*. Москва: Флинта, Наука 2003.

⁷ См., например: Е.А. Земская: *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. <www.nspu.net/fileadmin/library/books/2/web/xrest/article/leksika/proish/zemskaya>.

⁸ Ю.К. Александров: *Очерки криминальной субкультуры*. <<http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=579>>.

газета», 24.04.2009); *Бедность статистикой не обманешь: количество ветхого жилья на территории РФ растет катастрофически* («Независимая газета», 27.04.2010); *Безработица захлестывает Башкирию* («Правда», 31.03.2011); *Россиянам предрекли судьбу: нищенская пенсия или эмиграция* («Московский комсомолец», 01.04.2011).

Анализируя эти заголовки, можно сделать следующие выводы:

1. В стране беззаконие, бесправие, власть криминальных элементов. Арготизмы «схвачено», «отфигачено» в газетном заголовке *Все схвачено, все отфигачено* означают, что ситуация в стране находится под контролем уголовного мира благодаря взяткам («схвачено»), а неугодные жестоко избиты («отфигачены»), причем наказан может быть и несговорчивый премьер-министр (*Касьянова «заказали»*), т.е. нанят убийца, который с ним расправится: «заказать» в тюремном арго означает «организовать убийство». На судебные и правоохранительные органы не стоит надеяться, так как даже генеральный прокурор — аморальный тип, завсегдагай борделя (*Прокурорский бордель*). Среди рядовых милиционеров действуют преступники, переодетые в милицейскую форму (*Оборотни возвращаются*);

2. В стране поголовное отчаянное пьянство (*Вся страна с бутылкой в руках — от мала до велика*), поскольку произошла социальная маргинализация основной массы населения России (*Бедность статистикой не обманешь, Рабы расейского разлива*);

3. Система здравоохранения опасна для жизни россиян (*Иных уж нет, а тех долечим*). Вследствие языковой игры журналистов с известной поэтической строкой Александра Пушкина «Иных уж нет, а те дале-че» возникает мрачная аллюзия, порождающая в сознании читателей образы врачей-убийц;

4. Нет надежды на скорое изменение положения в стране (*Потребуются годы, чтобы принять законодательство, соответствующее передовым стандартам высокоразвитых стран; Россиянам предрекли судьбу: нищенская пенсия или эмиграция*), а потому ясно, *Куда катится Россия*, управляемая «политтусовкой», т.е. «криминальными элементами» высшего ранга, которые могут «опустить министра» («Известия», 22.01.2004) и «раскрутить партнеров из Евросоюза на подписание проекта» («Комсомольская правда», 15.06.2006). Ср. в уголовном жаргоне: «опустить» — «изгнать кого-л. из воровской группировки»⁹, «раскрутить» — «заставить кого-л. давать показания, делать то, что заставят»¹⁰.

⁹ В.М.Мокиенко, Т.Г. Никитина: *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург: Норинт 2001, с. 399.

¹⁰ Там же, с. 502.

Эти и подобные контексты вызывают в читателях-россиянах чувство постоянной и серьезной угрозы, исходящей от общества и «власть предержащих», усиливая недовольство жизнью и социальную враждебность.

Нравственное состояние российского общества точно отражается в современном разговорном языке. В *Толковом словаре*, зафиксировавшем языковые изменения конца XX века¹¹, находим неологизмы — варваризмы и вульгаризмы, жаргонизмы и арготизмы — необычайно активные не только в устной, но и в письменной речи, ср.: «бабки», «баксы» и «гринь» (‘деньги’), «байк» (‘мотоцикл’), «башлять», «бодипирсинг», «бой-френд», «виповский», «гей-клуб», «дампинг», «имиджмейкер», «китчмен», «клипмейкер», «ксивник», «лэйбл», «медиа-баинг», «наркодоллары», «ништяк», «пиарить», «пофигист», «прикид», «рейв-тусовка», «рэппер», «секс-шоп», «секс-идол», «секс-тренинг», «секьюрити», «татуаж», «тетеха», «тинэйджер», «транссексуал», «тусоваться», «хавальник» и под.

Весьма показательны медиальные неологизмы — наименования процессов, отражающие тенденции развития русской лингвосоциокультуры, — это «алкоголизация» (населения, подростков), «бандитизация» (страны, власти), «бартеризация» (производства), «блатнизация» (русского языка), «болванизация» (поголовная), «быдловизация» (населения, народа), «витринизация» (политики), «дебилизация» (населения, молодежи), «западнизация» (России), «идиотизация», «интернетизация» (страны), «инфантилизация» (общества, молодежи), «китаизация» (рынка), «кретинизация», «лохотронизация» (зрителя), «макдональдизация» (культуры), «маргинализация» (населения), «мауглизация» (молодежи), «медиатизация», «матернизация» (речи = ‘активное использование матерной брани’), «наркотизация» (молодежи, детей), «олигархизация» (власти, политики), «параноизация» (жизни), «патриотизация» (насильственная), «пиджинизация» (русского языка), «поганизация» (культуры), «плебеизация» (народа, искусства), «политизация», «попсовизация» (эстрады), «проституизация» (девушек, детей, прессы), «скотинизация» (социума, принудительная), «хамизация» (всеобщая), «чеченизация» (конфликтов), «чубайсизация» (всей страны), «шизоизация»/«шизофренизация» (народа) и др.

Вестернизация российской жизни, её американизация и варваризация отразились в гибридных новообразованиях с суффиксом английского герундия **-инг** типа «вининг» (‘распитие вина’), «водкинг» (‘распитие водки’), «глинтвейнинг» (‘приготовление глинтвейна’), «гулянинг» (‘прогулка,

¹¹ *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия.* Ред. Г.Н. Складская. Москва: ООО Издательство Астрель 2002.

пьянка'), «жабинг» (<«жаба», 'уродование лица при искусственном его омоложении'), «каякинг» ('перемещение на каяках'), «коньякинг» ('распитие коньяка'), «курилинг» ('курение'), «писинг» ('писание'), «позоринг» ('опозоривание'), «приколинг» ('рассказывание приколов, т.е. шуток'), «путинг» ('рекламирование кандидата Путина'), «пьянинг» ('пьянка'), «сексинг» ('предложение сексуальных услуг, сводничество'), «троллинг» (<«тролль», 'оскорбление участников интернет-форумов т.н. «троллями» — злобными насмешниками'), «улучшайзинг» ('улучшение, как правило, на показ'), «шокинг» ('шокирование'), «шутинг» ('рассказывание шуток') и др. Показателен такой контекст:

Известно, что традиционное занятие байкерами свободного времени — «пивинг», «водкинг», «шашлыккинг», «мотоциклинг» и, естественно, «бабинг», поскольку «красотка», «красавица», «мамзель», «тёлка», «кошелка» — человеческое существо, совершенно необходимое байкеру для полноценного проведения досуга¹².

Развитие криминального капитализма в «вестернизированной» России точно отображено в популярном анекдоте с помощью словообразовательных гибридов с формантом **-инг**, фонетически и структурно чуждым русскому языку:

Вариант для «крутых бизнесменов»: проводим маркетинг, организуем холдинг, даем в лизинг, а потом уже — «объегоринг», «стибриг» и с «бабками» «свалинг» («инговые») формы образованы от просторечных глаголов «объегорить» ('обмануть'), «стибрить» ('украсть'), «свалить» ('сбежать').

Очевидно, что варваризация русского языка обусловлена социокультурными инновациями. Американизированные суррогаты эрзац-культуры, как и т.н. англофеню¹³, принёс в Россию т.н. «демократический капитализм», отношение к которому отразилось в эпитетах «бандитский» и «криминальный», в народной этимологии, ср.: «демократы»/«дерьмократы», «дерьмократизация», «приватизаторы»/«прихвизаторы». «Англофеня», как и арготизмы, внедряется в сознание русофонов деятелями общероссийских СМИ, однако блатнизация и пиджинизация русского языка вызывает протест у тех россиян, которые сохранили способность к самостоятельному, критичному мышлению. Показательна популярная на российских интернет-форумах дешифровка аббревиатуры «СМИ», оценивающая качество медийного

¹² В. Свинин: *Байкерство — образ жизни обеспеченных и свободных людей* «Независимая газета», 18.09.2006.

¹³ Е. Раменский: *Наш новояз явился англофеней. О языке и национальном чувстве.* «Литературная газета» 1998, № 26.

«новояза», самих масс-медиа — «Средства Массовой Идиотизации». Ср.: «Средства массовой информации давно пора переименовать в **средства массовой идиотизации**»; «К числу наиболее значимых инструментов подрыва генофонда общества следует отнести ‘средства массовой идиотизации’ населения»¹⁴.

Как известно,

[...] повреждение языка — это, помимо прочего, и повреждение жизни, не способной выразить себя в ясных лексических и грамматических формах и поэтому всегда готовой отступить в зону случайного и незаконного. Язык — неписаная конституция государства, несоблюдение духа которой ведет к гибели всякую (в том числе и духовную) власть¹⁵.

Неудивительно, что россияне, не приемлющие совершившийся распад духовной жизни и «бандитский капитализм», естественно отшатываются от его «архитекторов» к тем, кто представляется их противоположностью — к коммунистам. Среди их сторонников не только озлобленные старики, не умеющие играть по новым правилам, как стараются это нередко представить средства массовой информации. Прокommуннистические настроения наблюдаются и среди представителей молодого поколения ($\approx 23\%$ — по данным опроса ЛЕВАДА-ЦЕНТРА, проведенного в 2006 году, и $\approx 27\%$ — по данным опроса, проведенного в 2010 году). Социологи из проправительственного ЛЕВАДА-ЦЕНТРА с огорчением констатируют:

С начала 1990-х годов на молодежь возлагались особые надежды, что она станет первым поколением, которое усвоит западные идеи и демократические принципы и положит начало осмыслению советского прошлого России. Однако годы показали, по мере взросления молодые все больше вписывались в структуру тех массовых ценностных представлений, которые не слишком далеко ушли от советского прошлого, а общий негативный фон настроений, доминировавший до 2006 года, только повышал чувствительность взрослеющих молодых к привычным для советского человека комплексам, стереотипам и предрассудкам¹⁶.

Лозунги коммунизма сейчас привлекательны, как давно не были, благодаря тому падению всей жизни, которое совершилось после разрушения СССР, — объясняет антикоммунист Игорь Шафаревич, ученый-математик с мировым именем, академик Российской Академии наук. — Все то, что

¹⁴ <www.tr.rkrp-rpk.ru/get.php?1164>.

¹⁵ Печать бездарности. Пуризм и вопросы языкознания. «Литературная газета» 1993, № 34.

¹⁶ Н. Зоркая: «Ностальгия по прошлому» или какие уроки могли усвоить и усвоили молодые. «Вестник общественного мнения», 29.07.2007 <www.levada.ru/zhurnal.html>.

было достигнуто — бесплатное образование, бесплатная медицина, дешевые квартиры и лекарства, издания Пушкина миллионными тиражами (и по всем доступным ценам), а под конец даже и Достоевского, — все это представляется сейчас каким-то сказочным идеалом¹⁷.

На падение российской экономики, на деградацию общества указывают не только представители российской политической оппозиции, но и авторитетные зарубежные специалисты. «Страну разъела коррупция, о чем, кстати, говорит и сам Путин», — отмечает обозреватель «Financial Times» Мартин Вулф, ссылаясь на слова бывшего президента РФ о том, что «госаппарат является в значительной степени забюрократизированной, коррумпированной системой, не мотивированной на позитивные изменения, а тем более на динамичное развитие»¹⁸.

О криминализации всех сфер жизни страны говорил на VI совместном Пленуме ЦК и ЦКРК КПРФ в июне 2010 года Г.А. Зюганов¹⁹. О российском криминализме регулярно пишет американская пресса, которая нынешний общественный строй в России характеризует не как «democracy» («демократия»), а как «mobocracy», т.е. ‘власть криминальных элементов’ (см.: «Комсомольская правда», 22.04.2008).

Массовые читатели, зрители, слушатели ныне испытывают раздражение, а не просто усталость от критики советского прошлого, от «очернительства» истории своей страны.

Доля тех, кто считал, что в прессе, в СМИ слишком много внимания уделяется критике прошлого, сталинизма, проблемам массовых репрессий, межнациональных отношений и конфликтов и проч. значительно превышала долю тех, кто считал, что таких материалов недостаточно. Недолгий период либерально-демократического просветительства, лишь наметивший болевые узлы и точки советской истории и советского общества, скоро исчерпал свой потенциал²⁰.

¹⁷ И.Р. Шафаревич: *Коммунистическое равнодушие к русскому народу*. «Русский Восток» № 34 (149) <<http://rus-vost.irk.ru/kommunisticheskoe-ravnodushie-k-russkomu-narodu.htm>>.

¹⁸ М. Вулф: *Что такое плутократия и как она вредит молодым рыночным экономикам* — ИноСМИ.Ru (07 ноября 2007) <www.inosmi.ru/translation/237697.html>.

¹⁹ <http://politpros.tv/upload/iblock/e/de/ikoyyegcuimznt_zd%20xtbdqvdscdwj.pdf>. Используя данные Госкомстата, лидер российских коммунистов, Г.А. Зюганов так описывал обстановку в стране: «Уже каждый четвертый мужчина прошел через ответственность по Уголовному кодексу. В год 60 тысяч граждан заканчивают жизнь самоубийством — это население целого города. В стране до 4 млн. наркоманов, более 2,5 миллиона больных алкоголизмом, до 2-х миллионов человек страдают так называемой игроманией. Ежегодное убийство путем абортов 2-х миллионов не родившихся русских, россияне — это катастрофические издержки пропаганды вседозволенности и ‘безопасного секса’». *О задачах партии по защите русской культуры как основы духовного единства многонациональной России* <<http://www.anti-glob.ru/st/rusvopr1.htm>>.

²⁰ Н. Зоркая: *«Ностальгия по прошлому»...*

Известно, что ностальгизирующая память, защищаясь от нестабильности «упаднического» настоящего, не столько репродуцирует события прошлого, сколько реконструирует их, извлекая из глубин сознания положительные эмоции, пережитые в своей советской, «другой жизни».

Каким же образом проявляется у современного россиянина ностальгия по «коммунистическому СССР»? Какие образы советского прошлого остались в памяти большинства людей среднего возраста и вызывают в них похожие чувства? Исследования перечней подобных образов для разных эпох (на Западе такие перечни называют «индексами ностальгии») достаточно регулярно проводятся ЛЕВАДА-ЦЕНТРОМ. Установлено, что у современного россиянина, например, 60-е годы прошлого века ассоциируются с таким списком образов: «Ленин», «первая учительница», «Хрущёв», «Гагарин», «Василий Иванович Чапаев», «4 танкиста и собака», «Голубой огонёк», «пионер-герой», «хоккей», «фигурное катание», «голос Литвинова», «Клуб кинопутешественников», «Окуджава», «Галич», «Высоцкий», «Солженицын» и т.п. Положительные ассоциации, связанные со словом-стимулом «СССР», — «великая держава», «сверхдержава», «победа в войне», «всеобуч», «бесплатная медицина», «бесплатное образование», «равноправие», «всеобщая занятость», «от каждого по способности — каждому по труду», «человек человеку — друг, товарищ и брат».

Интерес к советскому прошлому эффективно поддерживается Интернетом. Любая российская поисковая система по таким ключевым словам, как «ностальгия», «СССР» и т.п., выдает сотни ссылок на сайты, посвящённые советской музыке, сайты «ностальгических» ресторанов и кафе (с названиями типа «СССР», «Зов Ильича», «Ностальгия», «Советский Союз» и др.). В Рунете создаются ностальгические сообщества, например, «Живой Журнал», в котором авторами являются сами пользователи²¹. Есть в нем разделы воспоминаний некоторых форумов, например, сайт «Энциклопедия нашего детства» для родившихся с 1976 по 1982 гг. В Рунете есть также энциклопедии марок СССР, орденов и медалей СССР, советских денежных знаков и монет, пропагандистских плакатов и открыток, виртуальные музеи советских автомобилей и мотоциклов, электротранспорта и метро, телефонов, патефонов, грампластинок²². Существуют ностальгические сайты воспоминаний о жизни в отдельных городах Советского Союза, например, сайт, посвященный истории и архитектуре, довоенной,

²¹ См. также, например: <www.3a_cccp, www.ussr_ru, www.site-nostalgia.narod.ru, www.vospominanija.ru>, <www.76-82.ru>.

²² См.: <www.soviet_symbols.ru>.

«социалистической» жизни Грозного, почти полностью разрушенного в результате т.н. «чеченских войн»²³.

Показательно, что многотиражные общероссийские газеты «Известия», «Труд», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», которые в постсоветский период не занимаются коммунистической пропагандой, в коммерческих целях сохранили свои «советские» названия в связи с высоким рейтингом читательского доверия, который эти газеты имели во времена СССР.

В условиях российского общественного пессимизма коммерциализация ностальгии по советскому прошлому породила тенденцию к ее «опошлению». В России появился ряд компаний, использующих «посткоммунистическую» ностальгию для развития своего бизнеса. Это телеканал «Ностальгия» на «НТВ+», радиостанции «Петро», «Русское радио — 2», «Милицейская волна», арт-клуб «Nostalgie» на Чистых прудах в Москве и др. «Поп-ностальгия» материализовалась в виде ассортимента сувениров и товаров на любой вкус. Производители продуктов питания дают своим товарам «советские» названия: пиво «Жигулёвское», «Московский хрустящий картофель», тушенка и сгущенка «Главпродукт», шоколад «Гвардейский», мороженое «Ленинградское», сигареты «Ява» и «Беломорканал», водка «Столичная», «Советское шампанское», продаваемое компанией «Союзплодоимпорт». Сомнительное качество многих из этих продуктов, которое производители стараются скрыть, манипулируя «советскими» названиями, вызывает раздражение, а иногда даже ярость у потребителей среднего и старшего возраста, которые, хорошо помня «доперестроечный вкус» одноименных продуктов, нередко пишут гневные разоблачительные письма в газеты.

Манипуляция советской символикой, в том числе языковой, небезопасна, поскольку носители русской культуры обладают непосредственной и сильной эмоциональной реакцией на СЛОВО и в силу специфики национального характера склонны либо к резким, максималистским, взрывным проявлениям этой реакции, либо, напротив, к глубокому унынию, пассивности, фрустрации в ответ на «поляризованные» манипулирующие тексты²⁴. Недаром в ходе столетий у русских выработался особый, оберегающий и людей, и общество в целом, гармонизирующий идеал речи упорядоченной и спокойной, скромной и разумной, уравновешенной и обоснованной, а в оценках — осторожной и

²³ См.: <www.moct.com>.

²⁴ См.: К.В. Касьянова: *О русском национальном характере*. Москва: Институт национальной модели экономики 1994; А.К. Михальская: *Полевая структура политического дискурса*. В кн.: *Журналистика в 1999 году*. Ч. 5. Москва: МГУ 2000.

сдержанной²⁵. При Советской власти эти национальные особенности учитывались: сниженная лексика и прежде всего уголовный жаргон рассматривались как выражение ценностей, противостоящих коммунистической идеологии, с ними велась борьба на государственном уровне, а забота о культуре русской речи была действенной: существовала, например, «Служба русского языка» при Институте русского языка АН СССР, вузовские преподаватели-филологи читали лекции о культуре русской речи для рабочих и служащих, издавался многотысячным тиражом научно-популярный журнал «Русская речь» и т.д.

Неудивительно, что российская «посткоммунистическая» интеллигенция с ностальгией вспоминает безукоризненно правильную, образцовую речь дикторов советского телевидения и радиовещания, страдая от существования огромной пропасти между современным русским языком как средством общения и русским языком — носителем культуры. Понимание того факта, что вульгаризация языка с неизбежностью ведет к одичанию общественного сознания, порождает в ученых-русистах стремление к «глобальному лингвистическому исцелению» русского слова, усиливает ностальгию значительной части интеллигенции по советской системе образования и воспитания, основой которой провозглашался коммунистический принцип «развитие каждого — условие свободного развития всех», отраженный в Конституции СССР 1977 года²⁶.

Призыв к «глобальному лингвистическому исцелению» основывается на весьма распространенном (не только среди филологов-русистов) мнении, что «слово в русской культуре не только отражало, но и творило реальность». Подобной точки зрения придерживается, например, академик Игорь Шафаревич²⁷:

[...] язык состоит не только из отдельных слов: иногда целые идеологические системы, научные теории, художественные произведения играют роль «слов» — имеют целью передать одно определенное чувство, одну мысль. И когда люди голосуют за коммунистическую партию, ходят на коммунистические демонстрации, употребляют термины или символы из эпохи коммунистического строя — это тоже язык, который следует понять... Мне кажется, что для голосующих за коммунистов или участвующих в коммунистических демонстрациях, — это наиболее привычный способ выразить свою верность стране. Для них красный флаг — совсем не символ мировой революции, а знамя, под которым их отцы или они сами воевали. Ленин для них символизирует не идею «поражения

²⁵ См.: В.Г. Костомаров: *Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Санкт-Петербург: Златоуст 1999, с. 299.

²⁶ См. материалы международной научной конференции *Русская словесность в контексте мировой культуры*. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского 2007.

²⁷ И.Р. Шафаревич: *Коммунистическое равнодушие к русскому народу...*

своего правительства в войне», а государство, в котором они прожили всю жизнь. Сталин — не коллективизацию, а выигранную войну.

Разделяя точку зрения академика Шафаревича, полагаем, что ностальгия по коммунизму и СССР приведет в конечном счете к тому, что коммунистические символы будут переосмыслены и вытеснены требованиями возродить культуру и язык великой страны, восстановить социальную справедливость.

Jelena Koriakowcewa

NOSTALGIA ZA KOMUNIZMEM: PROBLEMY SOCJALNE A JĘZYKOWY OBRAZ RZECZYWISTOŚCI WE WSPÓŁCZESNEJ PRASIE ROSYJSKIEJ

Streszczenie

Autorka objęła obserwacją artykuły publicystyczne dotyczące rosyjskiego życia społecznego, aby ustalić, w jaki sposób przejawia się w nim nostalgia za komunizmem. Skupiła się na kilku wybranych gazetach o zasięgu ogólnorosyjskim odgrywających rolę opiniotwórczą. Okazuje się, że w potocznym mniemaniu Rosjan komunizm to utracone bezpieczeństwo i potężne mocarstwo, gwarancja pracy, dobrego wykształcenia i opieki medycznej, równości. Uczucie tęsknoty za komunizmem, np. w kręgu inteligencji rosyjskiej, potęgują rozczarowanie przemianami ustrojowymi, ubożenie społeczeństwa rosyjskiego, wszechobecna agresja, korupcja, także procesy kryminalizacji, które zachodzą we wszystkich sferach życia społecznego, a nawet we współczesnym języku rosyjskim. Jednakże „postkomunistyczna melancholia” Rosjan to tak naprawdę tęsknota nie za komunistycznym ustrojem, lecz za „rosyjskimi wartościami”, za świetnością rosyjskiej kultury i „języka Puszkina i Tolstoja”.

Elena Koryakovtseva

NOSTALGIA FOR COMMUNISM: SOCIAL PROBLEMS AND THE LINGUISTIC IMAGE OF LIFE IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN PRESS

Summary

The focus of the article is the analysis of the linguistic image of Russian society created by journalists of the Russian influential newspapers. The sociological polls showed widespread disenchantment with capitalism. Nostalgia for communism has important roots. First, it is the longing for safety. Basically people do find life is better but not quite as good as they expected it to be. In Russia many felt better off economically under communism. In addition, nostalgia for communism in some part is a result of positive memories related with youth — for many Russians period of Soviet Union is time of their childhood and youth. Matter of “post-communist melancholy” is also a devotion to the Russian cultural values, and to “the language of Pushkin and Tolstoy.”

Nostalgia for communism can be perceived as one of the “unresolved problems” that will need to be dealt with in the future together with unemployment, wide gaps in social and educational status etc.